

Петров Вячеслав

Засечье

Начало...

Вячеслав Петров
Засежье. Начало...

«Издательские решения»

Петров В. М.

Засечье. Начало... / В. М. Петров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-642397-8

Мирная жизнь была нарушена вероломной засадой и предательством односельчан. В один момент каждому пришлось вспомнить, кто же он есть на самом деле, познакомиться заново и пойти отстаивать свою землю, свои дома и свою жизнь.

ISBN 978-5-00-642397-8

© Петров В. М.
© Издательские решения

Содержание

ЗАСЕЧЬЕ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Засежье Начало...

Вячеслав Михайлович Петров

© Вячеслав Михайлович Петров, 2024

ISBN 978-5-0064-2397-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАСЕЧЬЕ

...

– Кто ж так по жаре пьет? Совсем ума нет, – Прошка это не проговорил, а выплюнул, – Сипач, раздери ты, вставай! Ну, вставай, пьянь подзаборная.

Подросток похлопал развалившегося в телеге мужичка по плечу и вдруг увидел кровь на грязной рубахе и застывший испуг на лице Сипача. Прошка замер. И, пока мерно шагающая лошадь тащила телегу к самой крайней избе, он все стоял с открытым ртом. Опомившись, кинулся вдогонку с криком: «Убили! Сипача убили!», – совсем забыв про стадо, что без присмотра разбредется по огородам, объедая сочную ботву репы, моркови – да не столько съест, сколько потопчет. Пришел в себя он, только уткнувшись в Паучиху – вздорную бабу, вечно горляющую про свои обиды и исподтишка подбивающую к сварам, в которых она могла вернуться во всю свою паучиную мощь.

– Чего орешь, чего орешь-то... Ну, убили, первый раз что ль. Иди за коровами смотри, да на дойку не опаздывай. Иди-иди, – она подтолкнула его в спину, – без тебя разберутся.

И сама, мелко перебирая ногами, поспешила на луг, что разделял село на две слободы: Верхнюю и Нижнюю – место общих сборищ селян и вечерних посиделок молодежи. Там уже вокруг телеги Сипача собирался народ. И, хотя большинство было на покосе, толпа собиралась немаленькая, на удивление тихая, без выкриков и слез. Все стояли молча. Лишь Рада – жена кузнеца – подтолкнула дочь:

– Веснуха, беги за Головой. Вишь, какое дело-то.

Девчонка дернулась бежать, но, увидев спешащего старика, ткнула в его сторону пальцем:

– Вон он, сам идет.

Голова – дед Голомысл, за глаза его звали Горабыстр, бывший ратник Засечья, был высоким, худым, одноруким, с лицом, украшенным многочисленными шрамами, и с холодными серыми глазами. Поговаривали, что он не так стар, как выглядит, поседел раньше времени, когда только он да Сипач остались живы из всей засечной сотни. Вернувшись, они срубили избу и стали жить вдвоем на окраине села. Не было недругов злее, чем они, и не было столь разных по виду и характеру людей.

Могучий и высокий Голомысл – гневный и быстрый на расправу, за что и прозвали Горабыстром. Маленький и тонкий в кости Сипач – рассудительный, как-то особенно растягивающий слова. Каждый из них был на виду. Высокий, плечистый Голомысл, в руках которого любое дело казалось несерьезным – так быстро и красиво он работал. И умеющий найти подход к любому Сипач. До ранения у него был чистый и звонкий голос. Когда он пел, никто не оставался равнодушным. Посиделки без Сипача расходились быстро. А когда он был, то не только молодежь, но и возрастные бабы и мужики приходили послушать. Оба ратники. Оба умелые ратники. Они заслужили уважение в ратном деле. Сипач – лучник, Голомысл – мечник. Да и с копьем и ножом оба были первыми. И когда их привез на телеге городецкий ратник, их было не узнать: беспмятные и какие-то одинаковые, несмотря на непохожесть. Судорожно сглотнув ком в горле, ратник хрипло сказал:

– Вот и вся засечная сотня, – и, заблестев глазами, добавил, – отбили они лесовиков, не пропустили, мы шестерых везли, но доехали только они. Городец собрал деньги на прожитье ратников. Где голова? Передайте ему.

Он вытащил из-за пазухи кошель, с поклоном отдал, еще раз поклонился и, развернувшись, поехал обратно. Сколько лет прошло, но все помнят ту осень и тот день, когда вдруг дружно завыли собаки, когда закричали женщины – матери, жены, невесты, дочери; когда рухнул старый ясень, что рос среди березок, как завидный жених среди красавиц; когда до самого

поворота на весну не слышно было ни смеха, ни песен – ничего, что можно было бы назвать жизнью... ничего.

И лишь когда повернули на весну, когда стало пригревать солнце, зашевелилось, готовясь к пахоте и севу село, тогда и встали на ноги увечные Сипач и Голомысл. Низко поклонившись родне, они попросили прощения, но твердо настояли, что жить будут отдельно от всех. Так и появилась изба в дальнем конце луга, как бы соединяя Верхнюю и Нижнюю слободу. А как эти калеки ладили избу, вдвоем, отказывались от помощи – однорукий и немощный с пробитым горлом и переломанными ногами – это помнили все, кто видел. Они так и остались разными: Сипач пил запоями, а Голомысл вообще в рот не брал и стал таким рассудительным и душевным, что с любой бедой шли к нему. Никто не мог лучше его разложить по полочкам и принять решение. А Сипач с помощью Голомысла сделал себе гусли и играл. Да так, что казалось, они сами поют. Так же, как и он пел раньше. И чем пьянее был Сипач, тем понятнее и душевнее звучали струны. Поэтому никто в Засечье не корил его за это, и угощали его, хотя он никогда ничего не просил – этот маленький нескладный человечек, эта отдушинка для селян от тягот жизни, непрошенные слезы, что текли по щекам, когда он играл засечную память. Все посиделки начинались с нее. На лугу было не протолкнуться и тишина, изредка прерываемая преждевременными всхлипами.

Он начинал играть – звонкие, наполненные радостью и счастьем звуки уносились ввысь. Это было торжество жизни, торжество зелени, чистого неба, мира... Но вдруг он замирал и в звенящей тишине сосредотачивалось предчувствие беды, предчувствие... И как только он – маленький, увечный – мог постичь, мог придумать эту паузу, эту тишину. И когда яростные, рыкающие звуки обрушились на слушателей, они уже были готовы, уже сжались кулаки, уже распрямились спины, засверкали глаза. Громом струн обрывалась битва, буквально громом, грозным раскатом, и снова тишина... Снова пауза и снова слезы. А когда робко, как первая песнь жаворонка, затренькали струны, постепенно возвращаясь к началу, то всем было ясно: жизнь продолжается. Будут еще солнечные дни. Будут. Будут...

С таких посиделок Оболиха, вдова Чегеря, всегда возвращалась с опухшим от слез лицом, но с каким-то необъяснимым умиротворением. Ей казалось, что она каждый вечер возвращается в ту осень и в тот страшный день. И снова ей хочется умереть, чтоб встретиться с милым, со своим веселым, удачным Чегерем. Тогда только новая жизнь, которую она носила в себе, дала ей силы не совершить непоправимое. И все нерастраченные чувства она обрушила на родившегося сына Прошку.

И сейчас, услышав его голос, она первая была на лугу, первая ужаснулась, глядя на Сипача, первая запричитала:

– Соловушка, как же... как же мы без тебя? Как же мы без памяти? Что с нами будет? Кто нам память сохранит? КТО?

И тут, как прорвало: тишина взорвалась. И среди образовавшегося многоголосья стоял окаменевший Голомысл – он потерял последнюю опору в жизни, последний лучик света, согревавший его душу. Хотя пьяненький Сипач был еще той проблемой и приносил больше хлопот, забот и неприятностей, но каменное сердце Голомысла плавилось, как воск, при виде побратима. Теперь он остался один – один в многолюдном селе – ОДИН.

Каким-то деревянным шагом, подхватив поводье, пошел он к своей стоящей в стороне избе, пустыми глазами глядя на дорогу. За ним потянулись заплаканные бабы, угрюмые мужики. И только кузнец Бука, прозванный Подковой, остановил Всерода и его брата Оброда:

– Мужики, надо дров да хворосту на костер подвести.

И обратился к жене:

– Рада, поговори с бабами, во что Соловушку переодеть. А то у него ничего нет.

Она кивнула, пошла догонять провожающих. А Бука вдруг стукнул кулаком в ладонь и грязно выругался.

День продолжался. Продолжался как-то буднично, без надрыва. На лугу мужики укладывали погребальный костер, бабы готовили поминальную снедь, даже мелюзга, как обычно, путалась под ногами, играя в свои бесконечные игры. Из избы вышел Голомысл, необычно выглядевший в кольчуге, шлеме, с мечом на поясе, с луком Сипача на плече и с гуслими в руке. За ним двое мужиков несли завернутое в холст тело. Траурная процессия направилась к центру луга, собирая по пути всех жителей. Пока укладывали Сипача на хворост, уже начало темнеть. И, когда зажгли четыре факела, чтобы подпалить костер, их багровый отблеск зловеще заиграл на суровых лицах людей, создавая еще более гнетущую атмосферу прощания. Толпа загудела, разноголосно прося прощения у покинувшего их Сипача. Голомысл, блестя кольчугой, как сказочный герой, медленно подошел к покойному и положил на грудь побратима лук и гусли:

– Они тебе там понадобятся. Ты без них, как без руки... А я без тебя, как без обеих рук... Поджигай!

Факелы с четырех сторон быстро запалили хворост. Пламя поднялось выше деревьев. Было тихо. Лишь гудел огонь, и трещали поленья. Вдруг тишину нарушила пастушья дудка – Прошка, надувая щеки, играл Засечную память. Конечно, не так, как Сипач, но и инструмент у него был другой. Вот здесь-то и прорвалось истинное горе, захлестнувшее всех. Потеря души села, потеря памяти Засечья. И тут же слезы радости, что не все потеряно, есть душа, есть память, есть молодость, помнящая, уважающая и умеющая благодарить ушедших. А пламя костра поднималось все выше и выше, созвучно с мелодией пастушьей дудки.

Прошел месяц, забитый сенокосом, сбором ягод, грибов, трав для Паучихи – хоть и вредная баба, но в травах и заговорах она разбиралась. Так что со всеми болячками шли к ней. С большими поселянами она преображалась: куда-то девались ее косые взгляды, визгливый голос и ехидные словечки. Для каждого она находила в своей корявой душе уголок. К замкнувшемуся Голомыслу лишь достучаться не смогла. Хотя старалась, ведь без головы село как-то стало разобщаться, находились какие-то причины не ходить на общие собрания. И, хотя Паучиха и была любительница скандалов, как знахарка нутром чувствовала, что это до добра не доведет. Однако Голомысл раз за разом просто выставлял ее за дверь и не говорил ни слова. Единственным человеком, допущенным к нему в избу, был Прошка. Нет, уже не Прошка, а Прохор-Дудец. Для него дверь всегда была открыта, и Прохор целыми днями, а то и ночами пропадал у Голомысла. Для своих 12 лет он был крупным парнем. А его любопытство и любознательность – еще крупнее. С детской непосредственностью не давал он покоя голове, задавая вопрос за вопросом и тут же отвечая на половину. Медленно, но уверенно рушил стену, которой огордился Голомысл после смерти Сипача.

Вот и в это утро ворвался он в избу, как свежий ветер, и, сияя синяком под глазом, с порога прокричал:

– Я придумал! Придумал! Дядя Голомысл, надо нам гусли, как у Сипача, сделать! А я научусь, я смогу, я очень постараяюсь! Ты мне... ты меня научишь, как делать!

И тут случилось чудо: Голомысл улыбнулся, вздохнул, взлохматил Прошке волосы и сказал:

– Тогда надо к твоей матери идти, отпрашиваться.

– Да я сам!

– Нет. Пойдем оба, нам ведь в Городец надо ехать. Отпрашиваться будем вместе, чтобы мать не волновалась. Скажи-ка лучше, это что за украшение под глазом?

Прошка затих и почти шепотом сказал:

– Это мы с Дроном тренировались... Я ему тоже нос разбил. А чего он дразнится?.. Ой!

– Так-так. Дразнится, говоришь? А как дразнится?

– Нууу... Прошка-скоморошка, для головы матрешка.

– А кто его отец?

- Дядька Тугорь.
- Так, Прошка, беги да приведи Паучиху.
- Ага, я сейчас.

Прошка ушмыгнул за дверь, а Голомысл сел на лавку и задумался. Тугорь тоже из засечной сотни. Но в том походе его не было – не взяли его, животом маялся. А как сотня ушла, сразу выздоровел. Раньше не до того было да забылось многое. А сейчас всплыло то утро перед глазами. Тугорь ведь даже проводить не вышел. Вот незадача! Теперь все по-другому видится, по-другому и как-то подленько. Надо Нехряпу еще порасспрашивать. Хоть и старый он, а на память не жалуется. Ведь когда они уходили, он тоже оставался – медведь помял – еле выжил. Да и старше-то он их был лет на 10—12. Надо зайти к нему, с Соболихой поговорить и с Росотой – он вздохнул – Росота – они с Сипачом перед ней перья распускали, хвалились. А она неожиданно ушла к нему – подмастерью кузнеца Буки. Вот и жизнь повернулась. И не стало у них разногласий. Так и поехали: стремя в стремя. То-то вся сотня удивилась. А они весь поход вместе. Вместе их и привезли. Эх, побратим, оставил меня одного. Вдвоем мы бы этого Тугоря раскрутили мигом. Росота – уже отболело, уже заросло. Да и у нее с Немым семеро по лавкам, как только в избушке помещаются. Поговорить надо и с Немым. Помню, ведь как он Росоту в круг выпихивал, когда дед Никей умер. Иного Голову выбирали. Так она, краснея, о Голомысле говорила. А Немой все кивал головой, подтверждая ее слова. Голомысл сначала отказывался, о под давлением селян согласился. И только сейчас вспомнил, как на него взглянул Тугорь – ведь он тоже хотел стать головой. Вот и пересеклись. А ведь и правда, Тугорь тоже и за Росотой бегал, богатством хвалился. И в Головы попер, как хороший хозяин. На фоне других это не трудно, если общественные дела, как попало, делать. А десятник Гром однажды поднял десяток и потихоньку к костру дозора подобрался. А Тугорь с увлечением плел корзину. Одна готовая на заводной лошади была привязана. А мы удивлялись, когда успевают. А оно вон как. Дааа, Гром отличный был десятник – заботливый, внимательный, даже к пустькам. Перед походом подошел к ним и, чуть улыбаясь, спросил:

– Разобрались с Росотой-то, проблем не будет? – и глядя на их смущенные лица, уже серьезно кивнул. – Я рад, ребята.

Голомысл вздохнул: эка я разворошил память. Пойду на речку, где раньше с Сипачом сидели. Там думается лучше. Да как-то спокойнее становится, глядя на текущую воду. Да и заплывалы проверю. Наверное, дней 10 не смотрел. Заплывалы еще Сипач плел – они были неказистыми, но рыба в них попадалась неплохо. Вот и теперь с трех заплывал – полпуда рыбы. Для одного много, подумал он – А, по дороге раздам лишнее. Не первый раз

Засечье не голодало, но как-то все съезжилось, обветшало. Ведь столько крепких рабочих рук ушло в сотне. И – не вернулось. А пока окрепла смена, пока вошли в силу молодые – вся тяжесть забот навалилась на плечи вдов и пацанов. Даже 4-летние мальчишки трудились. Тяжко им было. Ох, тяжело. Особенно первые годы. От голоа спаслись, но на ремонт не хватало сил, времени и умения. Кузнец Бука только третий год, как вернулся из Городца, где был в ученичестве у Меркула-Занозы – язвительного, крикливого, но, тем не менее, умелого кузнеца, добротного обучавшего своих учеников непростому делу – повелевать металлом. Засечью еще повезло, что Бука вернулся, что в Засечье оставалась его любовь и радость – Рада. А то ведь все в основном старались остаться в кузнечной слободе Городца: либо подмастерьями, либо свое дело заводили. А еще Засечью повезло, что вернулся Сипач. Исполдволь, незаметно, но круто повлиявший на жизнь села. С его подачи стали объединять вдовьи наделы. Стал единым покос. Единая жатва. Свои остались огороды и скотина.

А когда Сипачу ставили это в заслугу. Он только улыбался и говорил: «Что только с пьяну не натворишь! Аж самому интересно!». Не убили тебя, побратим, люди. А убила тебя старая рана. Испугался ты не лихих людей, а того, что осталось недоделано, не донесено до селян.

Так, размышляя, Голомысл подходил к своему двору. И остановился, услышав голоса баб. Звал-то он одну Паучиху, о Тугоре поговорить. А тут, никак, полсела собралось. Выйдя из зарослей крапивы и лопухов, он остановился, глядя на суету. Пацаны, во главе с Пршкой, споро складывали поленницу дров под навесом. Немой с Росотой пилили бревна на чурбаки. Бука и Всерод кололи чурбаки. А баба под руководством Паучихи наводили в избе порядок: развешивали немудренные пожитки на просушку. Оболиха и Ласка хлопотали у очага, что-то готовя в походном котле на всех разом.

– А вот и хозяин, – Родоня подмигнула Паучихе. А та мигом подхватила:

– Пригласил в гости, а сам сбежал. Хорошо, хоть гости сами о себе позаботились. А то хоть разбегайся. Ну что насупился, как мышь на крупу? Не бойсь, бить не будем. – И подскочив к нему, широко разводя руками, продолжила – Вот ведь как получается, когда хозяин нас стесняется. Ой, прости, Голова, ты даже рыбы наловил, чтобы нас угостить. Оболиха, давай, принимай добычу и в котел. Ох, и погуляем.

Голомысл смотрел-смотрел на окружавшие его улыбчивые и какие-то родные лица. И неожиданно для всех низко поклонился и также шутиливо ответил:

– Добро пожаловать, гости дорогие. Пряников и пирогов нету, зато крапивы на закуску – полно!

А Родоня зачастила, продолжая шутиливый разговор:

– А мы сами сдобные да румяные, как пироги. А мы бабы вдовы, озорные да бедовые. Так что, берегись, – с этими словами под хохот подруг она облила из бадейки Голомысла. Он только охнул от неожиданности. А дальше его крутили, вертели, переодевали в сухую рубаху, даже причесали. И он бес сил опустился на порог избы, долго смотрел на разгулявшихся баб и вдруг спросил, даже попросил:

– А как зовут-то вас, бабоньки. А то мы все по кличкам, как скотину какую-то кликаем, а имена и забылись, а?

Враз затихли, даже испуганно поглядели на него. Потом, когда дошло, то запунцовели щеки, затуманились глаза. И самая бойкая Паучиха робко сказала:

– Я Вербена.

И шквал имен со всех сторон. Все, как бы, вновь знакомимлись:

– Неждана, Любава, Зоряна, Светлана, Ульяна, Липа, опять Любава, Росота, Беляна.

И тут всех удивил Бука, кузнец Подкова:

– А я Тима, Тимоша я, – и просветлевшим взглядом, окинув притихших баб и сказал:

– За это не грех и выпить.

За что, за это, не пояснил, но все поняли. Догадались, что хотел сказать немногословный Тимоша. По-другому назвать его язык не пворачивался. А он продолжил:

– Вербена, тебя что – уши заложило? Накрывайте на стол, а мы с мужиками сейчас скамьи принесем. Прохор, где твоя дудка? Играй сбор! По-новой знакомиться будем, а то совсем закисло.

И понеслось, завертелось. И все с шутками, легко, непринужденно. А бабы вдруг разбежались. Только Паучиха – Тьфу ты – Вербена командовать осталась, что и куда поставить.

– Прихорашиваться побежали, – с видом знатока 10-летний Данко утверждающе махнул рукой

– Ага, красоту наводить, – авторитетно поддержал его Прощка. И заиграл на дудке что-то веселое, переливчатое, звонкое.

Собирались недолго. И, хотя, все остались в той же одежде, лишь некоторые бабы платочки другие накинули – преобразились, похорошели. Праздник удался. Несвоевременны, но, тем не менее, искренний и веселый. И песни пели, и плясали. Да так, что весь двор вытоптали. Стемнело. Усталые, но довольные сельчане расходиться не хотели. Сначала сидели молча, глядя на костер и дуая каждый о своем. Но неспешно завязался разговор про жите-бытье. Про

то, что урожай обещал быть богатым, где стога сена ставить, колодцы почистить, да мало ли у сельчан забот. А когда Устя-тихоня спросила:

– Голова, а ты-то как жить дальше собрался? Или нам нового выбирать придется?

Голомысл был готов и ответил без запинки:

– Все, бабоньки, погоревал я и хватит. Вы мне сегодня душу вернули. Спасибо вам за праздник. За то, что вы есть, спасибо. Я о другом не хотел говорить, а надо. Заметили, что с Верхней Слободы только кузнец, да Вербеня здесь. А остальные где? Сучок-трактирщик, Остап-бирюк, Тугорь, Заброд, Стрый-Выжига, Мчеслав и их семейство. Я не говорю о Полушке – он только-только ходить начал. А Красава его вот-вот родит. Да и мальцов оставить не с кем. Так что вот такая у нас заноза, не хотят они с нами общаться. Кого из них ни посмотри – безбедно живут. А на общие работы косо смотрят, да спусть рукава норовят делать. На дележ-то все собираются и громче всех орут: дай-дай. А за что? Завтра утром всех собрать на луг. Надо этот вопрос уладить. Не хотят, так не хотят. А за вашими спинами нечего прятаться. Вот так-то. А сейчас расходимся. Время позднее. А ты Тимоша и ты Нехряп, оставайтесь, поговорить надо. Бабоньки, посуду свою не забудьте, а то я все помыть до утра не успею.

И он с нехряпом и кузнецом пошли в избу – секретничать. Вот там-то другой разговор пошел.

– Не нравится мне мужики, тишина. Это похоже на затишье предгрозовое. Слишком беспечно живем. А дозоры уже который год не высылаем. Нехряп, Семен – ты-то как? Не разучился луки клеить? Или забыл за ненадобностью?

– Да ладно тебе, Голомысл, смеяться. У меня на полотни штук заготовки лежат. За седмицу успею доделать. Только для кого стараться – у ратников, у всех есть. Поясни?

– Доделывай. И наших певуний будешь обучать. А ты, Тима, наконецники для стрел дюжин 50 готовь. А я с пацанами древки подготовлю и оперения приклею. И будет у нас бабья полусотня.

– Ты смеешься, – встрял Тимоша, – Не бабье дело в сече биться.

– Не бабье, ты прав, Тима. А вот из-за тына стрелы пускать смогут. Хоть и неприцельно, но все помощь. У нас сейчас и 40 ратников не наберется. Так что делать-то, придется девок учить, – Голомысл грустно усмехнулся, – да еще большая часть ратников с Верхней Слободы. А они только на своем дворе герои. ТУгоря возьми – в поход не пошел, в дозоры своего племянника вместо себя посылает. Вот и думай, какой из него ратник. Только долю ратника получать, а как до дела, так в кусты. Ладно, вам все ясно? Давай, по домам. Агафье своей привет передай. Пусть завтра с утра зайдет – холстины много надо будет. Да и пацанов своих с ней пришли. Помогут мне с доспехами разобраться. Ну, пока. Утром на лугу встретимся.

Степенно поклонившись, мужики ушли. А Голомысл все никак не мог заснуть. Глаза закроет, а там Сипач, побратим, с испуганным лицом, пальцем на лес показывает, словно предупреждает. Поворочался-поворочался, все сон не идет. Вышел на порог, тихо, очень тихо. Надел рубаху, накинул перевезь с мечом, нож за голенище – и пошел вокруг тына, сторожко ступая и в неверном свете луны оглядывая подходы к селу. Слишком, подозрительно тихо. Привык он доверять своему внутреннему голосу, который ему кричит: Беда! Беда! Но, обойдя вокруг селения, ничего подозрительного не заметил. Хотя был внимателен. Было пару раз ощущение чужого взгляда, недоброго взгляда. И все. Зайдя в избу, Голомысл вновь улегся и только под утро забылся чутким сном. А едва заголосили первые петухи, он уже одетый вновь пошел вдоль тына, высматривая чужие следы. И нашел: в двух местах частокол был подпилен: толкни-завалится. Оглядевши, пошел в сторону леса. Никаких следов не было. Только холодом обдало, когда углубился в заросли орешника – и увидел там готовый таран и несколько лестниц. Вот и приметы нашлись. Развернулся и на луг, где уже собрался народ – добродушно беспечный после вчерашнего веселья – и ничего не надо.

Только Голова появился на лугу с мечом и грозным выражением лица, что совсем не по настроению сельчан.

– Появился Голова и все испортил, – выкрик Зоряны отозвался смехом и шутками.

Но Голомысл поднял руку и закричал:

– Тревога! Ратникам тревога! Собраться у городецких ворот! Быстро-бстро! И чтобы при оружии были и в доспехе. А вы, бабы, все бочки у дворов водой залейте. И не медлить!

– Ты что? Ума лишился, – заорал Сучок, – какая такая тревога? Где враги? Где? О чем это ты говоришь?

– Некогда мне объяснять, я лучше покажу. Так что бегом собираться, а бабы за водой. – и он отправился к воротам. За ним увязались пацаны. И по дороге Голомысл попросил ребят:

– Откройте оружейный сарай да все оттуда на двор вытащите, а то складывать надо отдельно: щиты, копья, шлемы – все отдельно. Все поняли? Вот ключ, Прохор, держи. Да не балуйте там, некогда. – и, улыбнувшись, добавил – вы ж наша смена. И я вам доверяю.

Все сделаем, как сказал. Айда, ребята!, – Прошка, гордый доверием, побежал. А потом перешел на спокойный шаг и стал как бы взрослее.

У городецких ворот ратники собирались долго. Битый час присидел Голомысл на пеньке, пока не появились последние. Оглядев разношерстное воинство, он со вздохом попросил:

– Мечи покажите. Остальное я и так вижу – ржавью покрылось. У одного Семена-Нехряпа все блестит. А остальные забыли, что за доспехами ухаживтья надо, иначе подведет он. Да и мечи точить да чистить до утра хватит. Становись в походный строй, пойдем вокруг тына. Смотреть всем внимательно. А вперед наши охотники – Мчеслав да Михей подут – следы высматривать, пока не затоптали.

И странное дело, мужики подтянулись и без пререканий зашагали, зорко оглядываясь вокруг. Но все равно первый подпил тына они не заметили.

– Стойте, – Голомысл скомандовал. – Смотрите, что я поктуру обнаружил. 3 бревна подпилены. Токлни-завалится. Любой мужик пролезет. Видите.

– Видим, Голова, видим. – толстый Сучок тревожно поглядел на подпил, – Толкни посильнее – завалится. Зря бы молодым обход делать доверили. Зря. Что-то еще, Голова, показывай. Уж извини нас, бестолковых, успокоились, расслабились. А зря...

– Пошли дальше, сами смотрите лучше. Я ведь тоже мог что-то пропустить.

Шагов за 30 Мчеслав нашел второй подпил. А спустя минут 10 он же полез в орешник:

– Мать честная, вот это да. На волоске висим, братцы. Тут толкни, там перелезь, у ворот тараном. И нет нашего Засечья.

Дальше шли молча и нашли еще один подпил. Как раз напротив избы Тугоря. Вдобавок к охотникам Нехряпа их старшего Оброда и всерода, Голомысл с остальными занялся починкой тына. Да еще таран с лестницами принесли. Засечье взволновалось. Еще бы. Жатва на носу. Сейчас же мигом отвезли гонца в Городец. Да все заготовленное сено перевозили до позднего вечера. 3 дозора по трое кружили в округе. А на ночь Голомысл караульчиков поставил по двое у каждой стены тына. Да еще со стороны речки попросил пацанов посторожить. А как услышат что-то чужое – бегом к Голомыслу. На лугу, ровно по средине, заночевали все, кто мог держать оружие. А сам он, придя домой, только прилег, так и провалился в тяжелое забытье, без снов, без видений – просто отрубился. Сказалась предыдущая бессонная ночь. Да и нервы нестальные. Так что приходи, бери его голыми руками – не шелохнется. Ночь прошла спокойно. Лишь утром взвились над лесом птица, аккурат со стороны глухих лесов. Охотники, посланные проверить, вернулись и доложили, что нашли конные следы где-то от сотни или поболее всадников. Так что вовремя Голомысл очнулся, вовремя ему праздник устроили. И не подвела его чуйка. Не подвела.

Утро и без того начиналось с сюрпризов. Вначале заявили к нему Сучок и Стрый-Выжига, прося его снять с них воинскую повинность, не бойцы они теперь. Но на замену себе

они привели: бездетный Сучок племянника, а Стрый – двух своих средних сыновей. Старший у него в Городце в лавке хозяйствует. А два младших – малы еще. Оба поклонились Голове и в один голос:

– Голова, научи их, чему сможешь. Мы-то ничего толковому и научить не можем. А мы за это всех дозорных припасами обеспечим.

– Хорошо, спасибо вам. Что сами пришли. А то ведь сегодня я смотр устраиваю. Проверю подготовку ратную у всех. Надо же знать, с кем плечо к плечу рубиться будем.

Следом явилась Вербеня во главе целой толпы. Сначала поклонились, поблагодарили за то, что беду отвел. А затем потребовали дать им оружие и чему-нибудь научить:

– Мечи дай, щиты, шлемы, кольчуги, а мы не подведем.

Голомысл остолбенел от напора. И в начале хотел обругать и прогнать. Но он сдержал первый порыв:

– Хорошо, бабоньки. Вот ты, Вербеня, возьми мой меч да просто помаши им, посмотрим, что получится.

Она покосилась на меч и заявила.

– Так это твой. С таким мечом и мужики не справятся.

– Ладно, пойдем к оружному сараю и будем выбирать мечи и доспехи.

Шумной толпой, обрастая любопытными, направились к сараю. Голова открыл дверь и пригласил:

– Заходите, выбирайте, примеряйте и на луг. Но чтоб здесь порядок сотался. Ваши же ребята его наводили. Пожалуюсь им, вам стыдно будет.

А на лугу кучками стояли ратники. Все уже в вычищенных доспехах, даже кони оседланные щипали траву поодаль. Голомысл без предисловий скомандовал:

– Всерод, Оброд, поставьте щит у березок. Мчеслав, отсчитай 50 и 100 шагов, пометь. Тима, проверь заточку мечей и копий. Сучок, проверь тревожный припас у каждого. Росота попроси своего проверить, как кони подкованы и сбруи пусть посмотрит. Стрый, пусть тебе обувку покажут. А если что, выбраковывай сразу. Безногих воинов не бывает. Агафья, холста у нас для рубах поверх кольчуг хватит? Да закрасить их как-то, а то наших за версту видать. Была бы рать большая, ворог устранился бы. А тут мы его обманем. Пусть, что хочет, то и думает.

А сам подозвал Прошку:

– Слушай, возьми ребят, да из сарая дубовые мечи принесите. Да вы их помочили на ночь?

– Да, дядько, – и только пятки засверкали.

Стали появляться первые бабы с мечами, щитами. И под гул толпы выстраиваться во что-то наподобие шеренги. А пышненькая Неждана подскочила и запричитала:

– Кольчужки то узкие, то длинные... Что ж я голяком ратиться буду?

– Да на это стоит и посмотреть, – усмехнулся Голомысл. – Давай-ка Неждана, попробуй меня рубануть мечом. Да не бойсь, руби как следует, – добавил он, видя как испуганно расширились глаза Нежданы.

Она неловко вытащила меч и с широкого размаха рубанула. Тяжелый меч закрутил ее, и тут она почувствовала крепкий шлепок по мягкому месту. Где-то минуты 2 махала она мечом, но никак не могла даже рядом ударить. Вот вроде рядом стоял, рубанула, а он уже по заднему месту шлепает. Слезы так и брызнули из глаз. Бросив меч, хотела уже убежать. Но Голомысл, обхватив ее здоровой рукой, прошептал на ушко:

– Не спеша, сейчас я наших воев буду проверять, вот и душу отведешь. А это, ты же поняла, что мечом махать – не бабье дело, договорились? И встань в строй.

И уже в полный голос скомандовал:

– Становись!

– А мы и так стоим, – криво усмехнулся Велемир, сын Стряя. И даже ногой притопнул. Раздались смешки, ратники заулыбались.

– Вы ратники, а сейчас я вижу толпу. Разберите деревяшки, что ребята принесли. Буду проверять, можно ли вам доверять, сможете ли вы с ворогом справиться? Вот ты, Велемир, первый и выходи. Да щит не забудь, в бою он не помеха.

СТРЬЕВ сынок – мордастый, широкоплечий – ни ростом, ни статью не уступал Голомыслу. И даже выглядел в доспехе посолидней, старательно выбрал себе дубовый меч:

– Я готов.

И так уж получилось, что все ратники подались в сторону верхней слободы, а строй одошенных баб – на стороне Нижней. И создалось впечатление, что 2 войска готовы схватиться в битве, стоят друг против друга. А посерединке между ними поединщики.

– Голова, ты бы шлем надел, ненароком зашибу, – оскалился Велемир.

– Ничто, давай, нападай.

Долго ждать не пришлось. Рубя мечом крест накрест, молодой ратник соколом налетел и пошел теснить однорукого. Бабы притихли, а ратники загудели. Но скоро стало ясно Голомысл играет, стараясь выяснить, насколько хватит этого бешеного натиска, проверяет выносливость. Ведь сеча – это не пару раз махнуть мечом, а после отдышаться. Это непрерывное действие. И чтобы остаться в живых, надо уметь распределять свои силы, знать пределы своей выносливости. Вскоре Голомысл быстренько проверил, как у парня налажена защита, резко взвинтив темп, уже играючи, выбил из руки Велемира меч. И приложил своим по боку противника. Тот просто рухнул. А Голова, обращаясь ко всем, указав мечом на Велемира, стал объяснять:

– Вот что, вои, вы все видели. Парень, конено, силен, но горяч. А в бою это недопустимо. В спешке можешь пропустить удар, можешь быстро устать. И это будет конец. Еще когда он брал и рубил воздух, я мог несколько раз укоротить его на голову или на ноги. А это уже не боец. Вы заметили, что я просто уклонялся, а не бил мечом об меч. Этот допустимо лишь тогда, когда нет места для маневра. Когда в тесноте нет возможности уклониться. Всем ясно? Давай, следующий. Тугорь, вспомним уроки Грома, покажем молодым, как надо?

Вот сошлись, осторожно прощупывая слабые места. Провоцируя ложные выпады. Поначалу показалось, что оба просто боятся попасть под удар. Но только показалось. Каждый вел свою игру. Тугорь имел щит. И используя это преимущество, старался как можно ближе сойтись. Голомысл, постоянно разрывая дистанцию, крутился вокруг, выбирая момент для атаки, для единственно верной атаки. Тугорь был опасным противником. Не даром у них был один учитель – Гром – их десятник. Но за плечами у Тугоря не было того похода, не было опыта безжалостной схватки. Когда лишь внутренний нерв подсказывает единственно правильное действие – мечом ли, телом ли или ногами. И он ошибся. Сначала пропустил удар по ногам, затем и удар в голову рукояткой меча. Хоть по шлему, но чувствительно. Голомысл повернулся к ратникам и спросил. И резко развернувшись, рубанул по руке Тугоря, который готов был нанести предательский удар ножом. Это был вызов, но Голомысл не да ему поднять выпавший нож, ударом ноги сбив с ног. Тут уже подросли ратники, схватили, связали, бешено отбивающегося Тугоря. Повисла нехорошая тишина. Люди недоуменно смотрели на ививающегося на траве, остервенело рычащего, Тугоря. Голова как-то ужасно покривившись попросил:

– Нехряп, проверь ограду у двора Тугоря. Что-то здесь нечисто. Неспроста это. А его, Велемир, Оброд, отвезите пока в погреб, да запирайте. Потом разберемся. Бабоньки, красавицы воинственные, сложите назад в сарай доспехи. Поняли ведь, что это не игрушки. И что меч сам по себе из тебя ратника не сделает. А после мы с вами попробуем пострелять из лука. Это вам будет по силам. Договорились?

Неждана, идя рядом с Вербеной, восхищенно тараторила:

– Ох, Голова, вот мужик. Увечный, одной рукой, таких лбов завалил. И ведь не запыхался. Ой, да за ним, как за каменной стеной будешь.

– Не будешь, а будем все мы. Как он нас разоружил. И ничего не скажешь. Спорить не стал, а просто показал, что у каждого из нас свое место.

Вербена оглянулась и задумчиво добавила:

– А мужик он, огонь. Руку потерял, а остальное-то осталось.

Бабы засмеялись немудреной шутке. Лишь Росота озабоченно сказала:

– Ой, что будет. ТУгорь, как с ума сошел. С ножом кинулся. И как только Голомысл учуял подлость? На что-то Тугорь наделся? Значит, у него и пособники есть. Вот вопрос, кто?

Тем временем на лугу продолжалась проерка. Ратники разбились на пары и старались показать себя с лучшей стороны. А Голова о чем-то шептался с Нехряпом и подошедшим кузнецом. Прощка, вооружившись палкой, что-то показывал пацанам. Сучок, нахмурившись, слушал Стрыя Выжигу:

– А я что говорю-то. Нельзя нам отмахиваться от всех. Мол, мы сами по себе, а вы как хотите. Надо нам со всеми разом, иначе пропадем. Я вот своих коней отдам, не пожалею. ДА еще у меня лишние доспехи есть, чуток подправить только. Да еще удалось бы урожай собрать. Тогда бы пережили бы эту напасть.

– Что с Тугорем случилось, – спросил Сучок, неврно потирая грудь, – С какого будуна он на Голомысла бросился? И головы не идет. Неспроста это, ох, неспроста. Что-то задумал он. ДА не один ведь. Кто-то еще змеей подкольной прячется.

Стрый задумался, что-то вспоминая.

– А помнишь, Лешаковых сыновей кнутом воспитывали, когда они оружейный сарай чуть не спалили. Тогда думали: баловство. А теперь я думаю, неспроста. Вот их поспрошать надо как следует. Пошли Голомыслу расскажем. Пусть всех Лешаковских повяжет. Да поспрашивает постройе.

И с этими словами они отправились к Голове.

А у того и так глаза на лоб полезли от рассказа Семена Нехряпа, которого чуть вилами не проткнули. Хорошо, что в доспехе был да с мечом. Отбил. Да и дядьку Тугоря-ворона подранил, а от его сыновей сбежал. А они во дворе засели. Да по всем, кто приблизится на выстрел, стреляют. Вот и у Велемира стрела в щите.

События столь стремительно закрутившегося дня ни на миг не отпускали Голомысла. Навалились сразу. Столько вопросов надо решить. Да непростых вопросов. Все идут к нему и от него ждут ответа. А он и сам не знает, что сможет разложить по полочкам и найти правильное решение, а что – нет.

Насупясь, он выслушал Сучка и Стрыя и отправил с ними десяток ратников, а сам с остальными обложил двор Тугоря, чтоб никто не сбежал. Строго-настрога запретил подставляться под стрелы. В довершении этих забот прибывшая помощь из Городца попала в засаду и, потеряв четырех воинов, с трудом прорвались в Засечье. В итоге только трое остались целыми, а пятнадцать ранены, из них шестеро – тяжело, и помочь в обороне не могли.

Вербена с ног сбилась, меняя повязки, промывая раны, приготавливая отвары, да еще Голомысл попросил заготовить холстов для перевязки и всякой всячины лечебной впрок.

На лугу Нехряп-Степан отыскивал среди добровольцев таланты стрелков из лука. Длинная очередь пытающихся пройти отбор заставляла его горестно вздыхать. Все были заняты – Засечье готовилось к бою, как двенадцать лет назад готовилась их сотня. Тем временем удалось заблокировать всех родственничков Тугоря и теперь осталось выкурить их из избы. Стрелы уже закончились, но Голова решил не рисковать бойцами. Он приказал обложить хворостом избу и предложить сдать. Откажутся – поджечь.

Но самая большая головная боль – нехватка бойцов. Трудно было определить, где враг ударит и какими силами, куда поставить самых надежных. Вечерело, к нему подошел Семен,

который набрал целую полусотню прилично владеющих луком баб и девок. Хотя особо удивляться было нечему – все ходили на охоту с детства. Конечно, одни лучше стреляли, другие похуже, но можно было твердо сказать, что ближе полста шагов врагу не подобраться.

Тимоша-кузнец обещал к утру двести наконечников для стрел, а Прошка со своими погодками успешно клеил оперение. Заготовки нашлись в оружейном сарае, да еще у каждого был колчан с двадцатью стрелами. Так что получалось нормально, один день продержатся, а там видно будет.

Потянуло дымком. Это подожгли избу Тугоря. И сразу потушили, когда семейка сдалась. Голомысл оставил Ворона, допросив которого, узнал о планах предателей, но легче от этого не стало. Триста лесовиков в набеге, полусотню оставят Засечье взять, а остальные двумя ручьями обложат Городец и вместе с кочевьем хана Ульяса, в котором полторы сотни всадников, ворвутся в город. В Засечье еще проще – через проход во дворе Тугоря соберутся ночью, а с утра полусотня воинов, да еще внезапно – всех защитников перебьют.

– Ну, Ворон, если не обманул, то просто выгоним, но чуть не так, весь род под корень.

– Все без обмана! Жить-то хочется...

Голомысл нашел Мчеслава и договорился с ним: как стемнеет, пойдем искать эту полусотню и будем думать, как ее известить. Степан, присутствующий при разговоре, покачал головой:

– И где их в темноте искать? Я навскидку могу десяток мест показать, а ты, Мчеслав, еще больше. Да и зачем всю ночь за ними бегать, они сами придут, вот мы их потихоньку и встретим.

– Неразумно! – Подошедший Стрый, продолжил. – Чуть зашумим, в темноте навалятся – не отобьемся. Или вспугнем. Это тоже не легче. Сначала Городец порушат и злые все на нас попрут.

– И так не так, и эдак плохо, думать надо.

– А если обмануть, выманить из леса на лужок, – Мчеслав усмехнулся, – со стороны кустов поджечь сено и при таком свете перебить стрелами.

Голомысл оживился:

– На этом и остановимся. Главное – никого не отпустить.

– Надо еще на месте прикинуть, чтобы своих не пострелять, – Степан нахмурился, – а то ума хватит, так эти гады оврагом сбегут.

– Да в овраге засаду из мечников расположить. А назад в лес подоспевшие ратники городские не пустят.

Стрый присвистнул:

– Осталось только у пролома пятерых поставить, а то прорвутся и натворят дел – не расхлебався.

– У пролома я и один справлюсь, – сказал Голомысл. Все взгляды немедленно обратились к нему, а Голомысл пояснил, – во двор их главное не пускать, а у этой щели в тесноте и темноте мы только мешаться и толкаться будем – как бы сами друг друга не порубали. А по одному все получится.

– И еще мы со Стрыем на поддержке будем, – Сучок погрозил пухлым кулаком, – дубину в руки – и ни один не спасется.

Все успели подготовить: охотники проследили вокруг – никто не наблюдал за их приготовлениями. Осталось самое тяжелое – ждать.

В напряжении прошла вся ночь. Лишь когда стало светать, со стороны леса три раза ухнул филин, Голомысл поджег факел и замахал им из пролома, сам стараясь не высовываться. И тишина – ни шороха, ни звука. Через небольшое время в пролом заглянул здоровый мужик.

– Гаси факел, а то ненароком увидят раньше времени всполошатся.

Голомысл крикнул:

– Зажигай! – И с силой рубанул ненавистную рожу.

Разом вспыхнули копны сена, и в их неверном свете заметались лесовики. Увидев, как стрелы собирают свой урожай, они сначала рванули назад, но там уже выстроились, блестя доспехами, городецкие ратники, и они побежали к оврагу, где и закончился этот короткий бой. В плен никого не брали – мстили за свой страх, за их злобу, за предательство.

Рассвело и можно было подсчитывать врагов, собирать оружие, доспехи, искать оставшихся, которые пытались спрятаться. Селяне всю ночь провели на лугу в ожидании своей судьбы: или плен, или победа, ведь если ратники погибнут, то некому больше защищать Засечье. Но это была победа – победа единства! И широко открытые ворота словно объятиями встречали победителей. Не было только Голомысла.

Вербеня со слезами на глазах металась от одного к другому, но никто не мог вспомнить, где его видели. Он был и везде, и нигде. Вербеня уже по третьему кругу столкнулась с Сучком, и тот, посмеиваясь, пояснил:

– Да спит он! Как последнего рубанул, так и свалился. Мы со Стрыем думали, что ранен. Так нет – просто спит. Устал сильно, все ведь на нем, вот и спит.

Вербеня, облегченно вздохнув, пошла к Голомыслу, ставшему таким нужным ей, таким родным и близким. Хотя все эти годы она сама себе не признавалась, но ревниво следила за ним, да еще больше за бабами, что крутились возле него. Вот и язвила, злилась. А сейчас как прорвало – страх его потерять, страх, что он погиб, был сильнее всех пересудов. Она не причитала, не плакала, с сухими глазами металась:

– Где он, где? – И лишь увидев его в окровавленной рубахе, беспомощно прислонившегося к ограде, она выдохнула, слезы так и брызнули из ее глаз. Осторожно забрав меч, прижалась щекой к его руке, к такой сильной, надежной. Слезы текли ручьями от жалости к себе, к нему, такому ей нужному человеку.

А он спал, не подозревая, что его одиночество кончилось, что эта настырная баба ни на шаг от него не отойдет, а других и за версту не подпустит. Он спал.

Ратники, все еще шумно обсуждающие бой, толпою завалились во двор к пролому. Увиденная картина никак не вязалась ни с Вербеней, ни с Голомыслом. Ввалившиеся резко замолчали, и внезапно наступившая тишина разбудила Голову. Он хотел протереть глаза, но рука, взятая в плен Вербеней, даже не пошевелилась. Удивленно и благодарно Голомысл вглядывался в ее глаза. Их безмолвный диалог продолжался вечность. Но главное – они поняли друг друга и обо всем договорились, не проронив ни слова. А когда, наконец, оторвали взгляд друг от друга и огляделись, двор был пуст. Народ, грубоватый, охочий до шуток, деликатно исчез, оставив их одних. И Вербеня истово расцеловала Голомысла, а он, приобняв ее за плечи, спросил:

– Пойдешь ко мне хозяйкой?

У нее перехватило дыхание, она лишь часто-часто закивала головой и уже, как своему, обтерла платком лицо и руку. Потом в каком-то порыве обхватила его за шею и зашептала:

– Я испугалась – жуть! Все целы, а тебя нет. Чуть с ума не сошла, – и тут же по-деловому добавила, – рубаху всю кровью уделал, давай я помогу снять.

Вербеня по-хозяйски протерла его меч, вложила в ножны и, чувствуя на себе его взгляд, покраснела.

Рука об руку появились они на лугу под дружное «АХ». То, что наговорили ратники, – это одно, а вот такое появление – это уже что-то. Народ зашевелился, заулыбался, а Стрый заорал во все горло:

– Гуляем! Прошка, давай веселенькое! Победили и Голову пропьем!

Голоса раздавались со всех сторон, воспротивиться воле народа у Голомысла не было сил – да и сам хотел отдохнуть:

– Праздник, так праздник! Обедаем, пируем, свадьбу гуляем – и спать. А в ночь выступаем на Городец. Пора и нам помощь им оказать.

– Ты что, Голова, их же три сотни! Да степняки. А нам еще на защиту села народ нужен. Да пока дойдем, там и помогать некому будет.

– Эх, Степан, ты, конечно, мужик мудрый, но вперед не заглядываешь. Оставаться в Городце лесовики не будут, обрат мимо нас пойдут. И что будет? Ты об этом подумал? А чтобы не опоздать, Мчеслав по короткой тропе проведет. Как раз к утру поспеем. Оглядимся. А там видно будет. Так что без разговоров: гуляем, спим и в путь!

Тут снова подал голос Степан:

– Я так думаю, что в лоб им бить не будем. Основной урон нанесем стрелами. Так что, Голова, готовь еще трех коней для трех красавиц. Они уж точно зря стрелы пускать не будут. Выходите, мои хорошие, покажитесь народу, пусть знают, что не только у ратников меткий глаз и твердая рука.

Голомысл вдруг почувствовал, как дернулась рука Вербени. От неожиданности отпустил, она вышла на середину, поклонилась и крикнула:

– Неждана, Любава, не стесняйтесь! Нам гордиться надо, что мы, наверное, первыми ратницами будем.

Раздались голоса одобрения, а Сучок прошипел:

– Ну, Степа, удружил, я на них надеялся, а ты враз оборону ослабил.

– Помолчал бы, у тебя и так ни один вражина ближе полсотни шагов не подойдет. Липа, Беяна, Родоня да еще пару десятков могу назвать. Не во всякой дружине такие стрелки есть, у которых и руки крепкие, и глаз меткий.

– Ладно уж, пользуйтесь моей добротой. А кто пойдет, Голомысл?

– Вот сейчас и прикинем. Стрый! Найдите Стрыя – он лучше всех про коней знает. Хорошо бы сорок воев на коней посадить. Раненных, конечно, оставляем. Ерему-охотника как гонца надо оставить, вдруг что. Да и молодежь не всю бы взял. Степан, Жигарь, Свирид, братья Вырод и Оброд, – он прервался, увидев Стрыя, – сколько коней можем под седло поставить?

Стрый задумался и, наморщив лоб, что-то посчитал:

– Надежных десятка четыре... Да под припасы можно пять-шесть найти. Остальные в поход не годятся.

– Вот и отлично, я думал десятка три будет, да про припасы забыл. Одна голова – хорошо, а две совсем никуда, – под смешки закончил он и тут же встрепенулся, – Вербеня, Неждана, Любава, вам придется у мужиков штаны отобрать – в сарафане неудобно будет на коня садиться. И очень вы меня удивили, бабоньки.

Он приобнял за плечи Вербеню:

– А ты у меня – вообще золото!

Покраснев, она шутливо шлепнула его по руке:

– Еще свадьбу не гуляли, а он уже... – Она запнулась и, покраснев еще больше, вырвалась и убежала.

– Вот и я говорю, – Любава хитро прищурилась, – бабы там пупки рвут, столы таская, а мужики тут тары-бары разводят. Не стыдно?

А Неждана, хихикнув, добавила:

– Бабы свари, бабы подай, убери да еще и защити... А мужики где?

– Тааак, особо болтливых придется сократить и в поход не брать, – Голомысл прищурился, – как вам такое?

– Ха! Перед народом красавицами, да защитницами называли, а правду сказали, так сразу нехороши стали? – Любава гордо вскинула голову. – А мы-то дуры старались. Так ведь, Степан, что молчишь? Сам говорил, что не каждый ратник так стрелять может, а теперь на попятную?

– Так мы народу и расскажем, – поддержала подругу Неждана.

– Так их, бабоньки, так! Оставайтесь со мной, я таких глупостей не наговорю, – Сучок довольно улыбнулся и тут же испуганно отскочил в сторону – на него набросились злые воительницы.

– Ты о чем говоришь? Ты, шкура толстая, да мы тебя на куски порвем, если останемся, – и подруги погнались за шустро убегающим Сучком.

– Видал, Голова, что неосторожное слово делает, – Стрый захохотал, глядя, как его дружок мечется по лугу, спасаясь от разъяренных баб.

– Все хорошо, давайте определимся, что надо приготовить, и пора собираться, – Голомысл встал, но его остановил Стрый:

– Не горячись, мы все подготовим: и коней, и припас, еще несколько мешков овса загрузим – на одной траве кони долго не протянут. Так что определяйтесь, а я пойду коней готовить, – с этими словами он решительно направился в сторону конюшни. Там стояли его кони, которых он холил, которых хотел подороже продать на осенней ярмарке. Но сейчас не до этого, сейчас одна забота – подготовить коней к походу: накормить, напоить, проверить подковы. Вслед за ним сразу увязалась Неждана. Умоляюще глядя на озабоченного Стрия, она уговаривала его по пути:

– Ну миленький, ну добренький, постарайся подобрать лошадку поспокойней, а то я как-то не очень ловкая, того и гляди свалюсь. Ну пожалей меня, добренький.

Он и размяк, заулыбался:

– Чем расплачиваться будешь? – И выразительно оглядел ее.

– Зря ты так, – Неждана даже как-то сгорбилась, посерела, – я думала о тебе лучше.

Она быстрым шагом пошла прочь, а он, неожиданно побледневший, растерянно смотрел ей вслед, суматошно взмахивая руками, а опомнившись, закричал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.